

Валентина Рыбальченко
Кировоград (Украина)

Образ города в дооктябрьском и эмигрантском творчестве Дона Аминадо

Дон Аминадо – это псевдоним Аминада Петровича (ещё точнее, Аминодава Пейсаховича) Шполянского (1888 – 1957). Высокая ирония его судьбы заключается в том, что еврей, родившийся в уездном украинском городке Елисаветград (сейчас Кировоград), стал „последним джентльменом русской литературы”. Жизненный и творческий путь писателя типичен и в то же время уникален. Типичен – потому что олицетворяет судьбу русской либеральной интеллигенции, которая, оказавшись в смертельном эпицентре революции, когда „расстреливали пачками, укладывали штабелями, засыпали землей, утрамбовывали”¹, оставила родные пенаты, надеясь, что этот хаос ненадолго. До последних дней жизни Дон Аминадо был уверен: „Мы не эмиграция, а Россия, выехавшая за границу”², подчеркивая временность своего положения. А уникальность судьбы художника заключается в том, что именно эмиграция сделала его настоящим поэтом. До революции Шполянский учился на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе, выпускные экзамены сдал в Киеве, в университете святого Владимира. Работал в Москве помощником присяжного поверенного и писал стихи и фельетоны. Сотрудничество с журналом „Сатирикон”, который считается лучшим русским сатирическим изданием начала XX века, стало главной литературной школой Дона Аминадо. Поэтический сборник *Песни войны* потерялся в многоголосии лирики серебряного века. Несмотря на то, что автор был участником первой мировой войны, его несколько книжные стихи не стали лирическим откровением для современников. Поэт, как и многие другие художники, восторженно встретил

¹ Дон Аминадо, *Антология сатиры и юмора России XX века*, М.: Эксмо, 2004, с. 344. Далее цитаты по этому изданию.

² Там же, с. 293.

Февральскую революцию, но Октябрь остудил горячие надежды на грядущее царство свободы. „Жизнь сразу вошла в колею. Колея была шириной в братскую могилу. Глубиной тоже”³. Начинается обратный путь: из Москвы в Киев, из Киева – в Одессу. Казалось бы, круг должен замкнуться, следующей точкой должен стать родной Елисаветград, где всё было таким родным и понятным. Но вместо него – Константинополь, Париж. Мечты о демократической революции растоптаны. Первые декреты революционной власти были направлены против свободной печати. Писатель понял, что рано или поздно его заставят замолчать.

Не уступить. Не сдаться. Не стерпеть.
Свободным жить. Свободным умереть.
Ценой изгнания всё оплатить сполна.
И в поздний час понять, уразуметь:
Цена изгнания есть страшная цена⁴.

Именно расставание с родиной, страдания стали точильным камнем для пера Дона Аминадо. Определяя своеобразие творческой манеры писателя, исследователи, как правило, обращают внимание на синкретичность его дарования – ироничный лирик или лирический сатирик? Но все сходятся в одном: Дон Аминадо – настоящий поэт, его талант подлинный. Несмотря на ежедневную работу в газете (за всю эмигрантскую жизнь у него почти не было простоев), Дон Аминадо не стал «поденщиком», «ремесленником», всё, что выходило из-под его пера, отмечено профессионализмом.

В изгнании поэт занял трезвую позицию. Он не верил в победу белого движения, в идею быстрого самораспада большевиков. У Дона Аминадо не было иллюзий относительно спасительной миссии эмиграции, соотечественникам в Париже он открывал глаза на их действительное положение. Он понимал, что эмиграция обречена на вымирание, вырождение, ассимиляцию. Именно это и дало основание Марине Цветаевой сказать о Доне Аминадо: „Вы каждой своей строкой взрываете эмиграцию! Вся ваша поэзия – самосуд эмиграции над самой собой”⁵.

Писатель-юморист был одним из первых, кто постиг трагический парадокс времени: неотвратимость октябрьского переворота будто бы сознательно определила именно та либеральная интеллигенция,

³ Там же, с. 345.

⁴ Там же, с. 138.

⁵ Цитируется по: *Антология сатиры и юмора России XX века*, Москва.: Эксмо, 2004, с. 21.

которая была революцией отвергнута и выброшена из родной земли. Накливав грозу, она оказалась неуместной при новом режиме. Дон Аминадо, не отделяя себя от всех, иронизирует над романтической позой интеллигенции, над её нежеланием избавляться от претензий на вселенскую миссию. Он скептически относился к пророчествам относительно быстрого краха большевизма. И, как ни странно, именно в его стихах мы находим сбывшиеся пророчества:

Но чую, вновь от беловежских пуш
Пойдет начало с прежним продолженьем.
И вокруг оси опишет новый круг
История, бездарная, как бублик.
И вновь на линии Вапнярка – Кременчуг
Возникнет до семнадцати республик.
(*Про белого бычка*, 1921)⁶.

Провижу день. Падут большевики,
Как падают прогнившие стропила.
Окажется, что красную звезду
Срывают тем же способом корявым,
Как в девятьсот семнадцатом году
Штандарт с короной и орлом двуглавым.
(*Мыс доброй надежды*)⁷.

В эмиграции Дон Аминадо становится поэтом нашей маленькой жизни, его герой – обычный человек, «частичка бытия», подхваченная ветром истории, оторванная от своего корня. Наверное, главный источник привлекательности творчества Дона Аминадо в том, что смеясь над своим героем, осуждая его, иронизируя и даже издеваясь, автор любит его, разделяет его тревоги и чаяния.

Стихи, фельетоны и афоризмы Дона Аминадо становятся неотъемлемой частью эмигрантской жизни, своеобразной прививкой от мизантропии именно потому, что писатель убеждён в самоценности жизни.

В 1954 году в Нью-Йорке выходит книга его воспоминаний *Поезд на третьем пути*. В мемуарно-автобиографических произведениях читатели, как правило, ищут приметы времени, знакомые географические реалии. Всё это есть и в книге Дона Аминадо. Обычно в мемуаристике на первом плане – образ автора, но писатель сознательно

⁶ Там же, с. 144.

⁷ Там же, с. 227

остаётся в тени, постоянно говоря «мы», а не «я». Но всё, что происходит, мы видим и воспринимаем глазами художника. Дон Аминадо очень скупно использует биографические детали и при этом не теряет в лиризме. Повествование ведётся как неторопливый разговор с близким по духу собеседником. Кстати, и лирические произведения Дона Аминадо, пронизанные медитативно-ностальгическим настроением, начинаются как своеобразное приглашение к общим размышлениям и мечтам: „Помнишь ты или не помнишь”..., „Как описать минувшую весну?”, „Хорошо лежать у моря”...

Писатель не просто воссоздает приметы времени, а передает аромат эпохи, благодаря чему читатель ощущает ход истории. Память о прошлом актуализируется в образе родного города, который является не просто точкой отсчета в воспоминаниях автора, а некоей нормой, образцом человеческих отношений. Город становится олицетворением не только детства, юности, но и всей прошлой жизни, перечеркнутой „тонкой струйкой крови, вытекающей из дверей комиссариата”. Писатель создает образ города из гармоничного (идиллического) прошлого, отталкиваясь от Хаоса нынешнего. Миф Новограда в воспоминаниях Дона Аминадо во многом детерминирован идеей конца, исчерпанности, катастрофы, поглотившей это безоблачное бытие. Конечно, сквозь „дым без Отечества” (название одного из эмигрантских сборников писателя) город детства предстает несколько идеализированным:

Есть блаженное слово – провинция, есть чудесное слово – уезд. Столицами восторгаются, восхищаются, гордятся. Умиляет душу только провинция. Небольшой городок, забытый на географической карте где-то в степях Новороссии, на берегу Ингула, преисполняет сердце волнующей нежностью, сладкой болью. Потерянный, невозвращенный рай!⁸.

Дон Аминадо называет город своего детства Новоградом, продолжая в описании провинциального российского города традиции Гоголя и Островского. Новоград вызывает ассоциации с уездным городом Миргородом (Мир-городом), фольклорным Китеж-градом.

Главной становится минорно-щемлящая нота: время, столкнувшись с памятью, признает свое поражение. Города, которыми проходит главный герой, обозначают этапы его жизненного пути: Новоград – Одесса – Киев – Москва – Одесса – Константинополь – Париж – Городок. Круг замкнулся: город детства и город, которому

⁸ Там же, с. 324.

судилось стать последним прибежищем героя, объединяются, соотносятся, уравниваются и взглядом повествователя, и обобщенным названием.

Дон Аминадо не натуралистический бытописатель, но его воспоминания воссоздают выразительный историко-географический фон благодаря многочисленным культурно-бытовым деталям и обстоятельствам провинциальной жизни. Целостный образ города вырисовывается из отдельных штрихов и деталей, но автор не увлекается описательностью, провинциальный город изображен эскизно, фрагментарно, несколько импрессионистично. Читатель видит Новоград с разных точек зрения, в разных ракурсах. Благодаря смене красок, оттенков, освещения Дон Аминадо подчеркивает изменчивость, которая невероятно сочетается со стабильностью прошлой жизни.

Память сердца избирательна: сквозь пелену лет ясно проступают дорогие подробности прошлого, уютный уклад российской провинции. Читатели-земляки узнают уголки родного города, названия станций и полустанков, улиц, которые причудливыми зигзагами спускаются от вокзала. Иногда и реалии не нужны – достаточно намек, знака, чтобы наполнить душу невыразимой грустью и блаженством:

Пасха. Платъице в горошину,
Легкость. Дымность. Кисея.
Допотопная провинция.
Клёны. Тополи. Скамья.
(*Уездная сирень*)⁹.

В светлой дымке печали предстают теперь и знакомые станции, и традиционные праздники, и запах снега, и звук шарманки под окном, и местечковая сирень, изнемогающая в лиловом цветении. В городе шла спокойная, размеренная жизнь, и спешить было некуда; только осенью, накануне холодов, было заметно оживление – началась подготовка к зиме. Ощущение уверенности, покоя, непоколебимости овладевали душой.

Еще Л. Толстой в *Войне и мире* высказал мысль, что правильный путь к постижению целостного образа города – созерцание его с высокой точки. Дон Аминадо считал, что украшением города была деревянная каланча, на которой с утра до вечера вышагивал красавец пожарный; без этой фигуры не было бы ни города, ни уезда, ни легенды, ни красоты. „И благодаря ему, оберегалась эта суматошная, кропотливая, нелепая, несправедливая, но по-своему уютная, сумбурная

⁹ Там же, с. 172.

и первобытная, трижды милая, разлаженная, налаженная провинциальная жизнь”.

Проблеск неба голубого.
 Сердце верит. Сердце ждёт.
 Дымка. Оттепель. Корова
 Через улицу бредёт.
 У забора зеленеет
 Бледной зеленью трава.
 Где-то тлеет, где-то прееет
 Прошлогодня листва.
 Запах дегтя, свежих булок...
 Среди площади навоз.
 С полной бочкой переулоч
 Проезжает водовоз.
 Над землею дух угарный,
 Вьются весело грачи.
 Ослепительный пожарный
 Гордо смотрит с каланчи.
 Тучный доктор едет в бричке
 И мотает головой.
 Козыряет по привычке
 На углу городской.
 Сердцем ветрены, но чисты,
 Дух законности поправ,
 На бульваре гимназисты
 Курят в собственный рукав¹⁰.

Дон Аминадо рисует город, сочетая принцип обобщенности и индивидуализации. Если бы не географические названия, читатель и не понял бы, о каком городе идет речь – сколько таких городков с их простой, бесхитростной и в то же время милой жизнью было смято вселенскими вихрями войн и революций!

Образ Новограда становится символом утраченной родины. Не случайно, что в лирике, рисующей послереволюционную Россию, мы не находим примет провинциального Новограда – всё это осталось лишь в памяти. Появляется *Город* – обобщённый, отчуждённый – его повседневными реалиями становится эшафот и „небо величавой пустоты”:

¹⁰ Там же, с. 185.

Город был тоже по-новому весел.
Он стёкла дырявил и зубы дробил.
Ночью в предместьях своих куролесил,
Братьев готовил для братских могил.
(У врат царства)¹¹.

В стихах эмигрантского периода, посвящённых дорогому сердцу поэта прошлому, доминирует лирическое начало. Только однажды в пародии на Зиновьева автор будто бы отстраняется от города, называющегося Зиновьевск, эвфемистически избегая назвать его:

Вечер был. Сверкали звёзды.
В Мавзолее Ленин спал.
Шел по улице Зиновьев,
Посинел и весь трещал.
.....
Было время, целый город
Назывался в честь мою.
(Ползком)¹².

В обрисовке послереволюционного обобщённого Города преобладают мотивы бунтующей черни, страдания, утраты, гибели прошлой жизни.

Образ лирического героя, максимально близкий автору, изображен в эволюции. Подростком он убегает „из Треповки в Трансвааль прямо, без пересадки, на освобождение буров!“. Стремление защитить угнетённых обернулось стыдом, позором, отобранном ятаганом, тёмным карцером. Пройдя через увлечение романтической литературой (Мачтет, Марлитт, Ауэрбах), подросток открывает для себя Толстого, который помогает понять, что всё в этом мире оказывается значительно сложнее, чем казалось. Время, проведённое за чтением *Анны Карениной*, принесло тринадцатилетнему читателю „боль и жалость, смятение и восторг“. Одной их кульминационных точек в мужании души героя было известие о смерти Чехова, который воспринимался не как учитель, а как друг. „Мы что-то внезапно поняли и сразу повзрослели“¹³. Герой взрослеет, но его аксиология остается неизменной.

¹¹ Там же, с. 181.

¹² Там же, с. 158.

¹³ Там же, с. 402

Особенная роль в формировании мифа Новограда принадлежит театру. Дон Аминадо с теплотой вспоминает местный театр, который был страстным увлечением гимназистов, его любили чрезвычайно, трогательно, почти самозабвенно. Только в провинции любили театр по-настоящему, и исключение из гимназии „за бросание фуражек на сцену” не казалось преувеличенным наказанием.

Близость к природе, увлечение литературой, театром – это те факторы, которые помогли Дону Аминадо, пережившему три войны и три революции, найти силы сбросить в себе „душу живую” и:

Благословить моря и сушу,
И дом чужой, и отчий дом,
И растопить больную душу
В прозрачном воздухе твоём.

Отсутствие злобы, ненависти отличает лирического героя Дона Аминадо. Избежать пафоса помогает ирония, которая становится нормой отношения к миру и себе, существенной особенностью мировоззрения, одним из способов выявления несовершенства мира и интерпретации действительности. Одной лаконичной фразы достаточно, чтобы охарактеризовать уездную газету «Новоградские новости» Лапидуса: „Имени-отчества у Лапидуса не было, что отчасти определяло направление газеты”¹⁴. Революционное настроение «сознательного» населения в 1905 году корректируется иронической репликой: „Единственный в городе газетный киоск на углу Дворцовой и Большой Перспективной, сразу сделался источником света, очагом и распределителем гражданских чувств, надёж и обольщений”.

Актуализация иронии связана с общей тенденцией литературы двадцатого века избегать многозначительных оценок, поучительности. По словам Т. Манна, ирония является пафосом середины, интеллектуальной языковой игрой, которая резвится между контрастов и не торопится стать на чью-то сторону и принять решение, потому что она преисполнена предчувствием, что в важных вопросах, где речь идёт о человеке, любое решение может оказаться преждевременным, и не решение является целью, а гармония, которая находится где-то в вечности.¹⁵ Именно шаловливая ирония оказывается касательной к этой гармонии, вечной цели человека. Часто у Дона Аминадо ирония приобретает форму самоиронии. Писатель и в жизни, и в творчест-

¹⁴ Там же, с. 394.

¹⁵ Т. Манн, *Новеллы*, Москва 1989, с. 230.

ве руководствовался словами: „Чтобы стать душой общества, надо не щадить ни души, ни общества”¹⁶.

Ф. Медведев, определяя жанр итоговой книги Дона Аминадо, назвал её „фельетоном вместо мемуаров”. Наверное, это и помогло воспоминаниям нашего земляка не потеряться среди волн мемуаристики, заполнивших современную литературу. Ирония, скепсис и в то же время любовь к людям, к жизни настолько тесно, органично переплетены, что трудно определить, что доминирует: скептический оптимизм или оптимистический скепсис.

Люди в поэзии и прозе Дона Аминадо изображены в динамике. Характерная черта города – вокзал. „Держался город на трех китах. Вокзал. Тюрьма. Женская гимназия”. Шестое чувство, присущее городу, – чувство железной дороги. Это чувства единения с человечеством, ощущения себя в нём, причастность ко всему сущему, окно в новый мир. Свисток паровоза и грохот товарного поезда – своеобразный рефрен книги Дона Аминадо. Они звучат в самые напряжённые моменты жизни героя, становятся своеобразными вехами на его жизненном пути, отделяя одну страницу от другой.

Ах, шестое это чувство,
Чувство рельс, колес, пространства,
То, что принято у русских
Называть манящей далью...
Замирающее чувство,
Словно вы на полустанке.
Вот придет швейцар огромный –
Страшный бас и густ, и внятен:
Пер-рвый...Поезд ...на четвёртом...
Фастов...Знаменка...Казатин...

(Голубые поезда).

В мемуарах всегда трудно провести границу между «тогда» и «теперь». Взгляд героя постоянно корректируется взглядом повествователя, прожившего долгую, сложную жизнь. Это взгляд издалека, но не свысока, а с высоты прожитых лет. И у Дона Аминадо мы замечаем некое домысливание ситуаций, переживание их с позиций сегодняшних знаний о давно минувшем. Повествователь вспоминает не столько события, сколько ощущение событий, тот ореол, которым они окружены в его сознании. Писателю удастся повернуть время, потому что он смог воскресить состояние души своего героя.

¹⁶ Там же, с. 18.

SUMMARY**The image of town in pre-1917 and emigrational Don Aminado's creative work**

This paper deals with the peculiarities of creating the image of the native town in the writing of the Russian immigrant-poet of the Jewish origin - Don Aminado. We analyze the genre features of his memoirs paying special attention to the combination of irony and lyricism in portraying of the Russian prerevolutionary provincial life as well as the life of the immigrant communities after the revolution of 1917.